

**II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«НАЦИОНАЛЬНОЕ, ИМПЕРСКОЕ,
КОЛОНИАЛЬНОЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»**

**II INTERNATIONAL CONFERENCE
“THE NATIONAL, THE IMPERIAL, THE COLONIAL
IN RUSSIAN LITERATURE”¹**

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/24099554/16/12

С.Б. Королева

**«НА ЕВРОПЕЙСКИЕ СОБЫТИЯ В 1854 ГОДУ»:
ДОСТОЕВСКИЙ В ДИАЛОГЕ С ПОЭТАМИ-
СОВРЕМЕННОКАМИ О «СВЯТОЙ РУСИ»²**

Рассматривается проблема художественного осмысления «Святой Руси» как константы русской культуры в стихотворении Ф.М. Достоевского «На европейские события в 1854 году» в историческом и литературно-поэтическом контекстах, а также в свете творческой биографии писателя. Доказывается, что стихотворение не является простым выражением верноподданных настроений и содержит константные для зрелого творчества писателя мотивы – прежде всего, мотив святости идеалов русского народа. Анализируются композиция, стилистика, системы мотивов и образов стихотворения в сопоставлении с образцами военно-патриотической и славянофильской поэзии времен Крымской войны.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Святая Русь», контекст Крымской войны, военно-патриотическая поэзия, славянофильская поэзия о Крымской войне, голос автора, система образов и мотивов

¹ См. также: Имагология и компаративистика. 2021. № 15. С. 192–279.

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00310.

Основной вопрос, который ставится в статье, – специфика содержания концепта «Святая Русь» в стихотворении Ф.М. Достоевского «На европейские события в 1854 году» в контексте, как «ближайшем» – творческой биографии Достоевского, так и более масштабном – исторических, военно-политических событий 1854 г. и той большой волны стихотворных произведений, которые они породили в русской литературе.

1854 г. для Достоевского был, как известно, одним из тяжелых и судьбоносных годов, проведенных в ссылке в Сибири. В Семипалатинске Достоевский не только выполняет положенные ему работы, но и переписывается с замечательной подвижницей, женой сосланного декабриста Н.Д. Фонвизиной, и впервые – не без ее влияния и, что более существенно, под воздействием переносимых скорбей и тесного знакомства с самыми разными людьми, отверженными обществом как преступники, – начинает понимать «чуждый» «народ русский», ценить в нем «характеры глубокие, сильные», начинает принимать и народное православие как нечто свое, родное [1. С. 172–173; 2].

Особую роль в этом приходе к себе и Христу в жизни Достоевского сыграла переписка с Н.Д. Фонвизиной [3]. Следует остановиться на тех словах, которые она адресовала Достоевскому в письме от ноября 1853 г. и которые он, без сомнения, внимательно прочел. Это слова о «нравственном неотъемлемом людьми сокровище», которое каждому человеку нужно «собирать» [4. С. 312]. В контексте упоминаний о заботливом, милосердном Боге слово «сокровище» может быть понято исключительно как «душа», вернее, ее святая часть, святость. Достоевский в ответ на это письмо впервые исповедует и свое неверие (сомнение), и свою «жажду верить», и свой символ веры: Христос есть самое совершенное, самое чистое и глубокое, самое прекрасное и разумное естество в мире, вера же в Христа – «свята» [5. С. 176].

Именно с этого символа веры исследователи творчества Достоевского так или иначе ведут отсчет в отношении православных устремлений писателя, считают его поворотной точкой в духовной, творческой эволюции писателя [6]. При этом, однако, не ставится вопрос о буквальных лексико-семантических «следах» переписки Достоевского с Фонвизиной в его художественной прозе, тогда как

следы эти налицо и представляют собой несомненный исследовательский интерес³.

В первую очередь это касается слова «сокровище», встречающегося в художественных произведениях Достоевского разных периодов его творчества. В текстах, относящихся к раннему периоду, слово «сокровище» используется крайне редко и имеет содержание, никак не связанное со значениями слов «вера», «святость», «чистота» (см.: в «Неточке Незвановой» (далее – НН) слово используется в сочетании со словом «любовь» в значении страстной привязанности, замешанной на идеализации и душевной тревоге (НН, ч. VI), тогда как в «Белых ночах», «Романе в девяти письмах» и других ранних его произведениях оно отсутствует совсем) [7].

В текстах же романов, написанных после ссылки, слово «сокровище», как правило, используется в том же значении, в котором оно употреблено в письме Н.Д. Фонвизиной к Достоевскому. В романе «Идиот» (ч. IV, гл. VII) в монологе князя Мышкина страстно звучат размышления о духовной тоске по сокровищу – вере в русскую культуру, «русского бога и Христа»; в «Братьях Карамазовых» в словах старца Зосимы, обращенных к крестьянке (т. I, ч. I, кн. 2, гл. 3), содержание слова «сокровище» проясняется его тесным сплетением со словами с очевидной православной коннотацией – «любовь», «умиление», «спасение», «примирение», «прощение», «грехи», которые можно «выкупить» любовью. В другой части романа, в эпизоде с Грушенькой, Алешей и Ракиным (после смерти старца Зосимы – т. II, ч. III, кн. VII, гл. 3), слово «сокровище» прямо поясняется как «душа любящая», в то же время для его смыслового наполнения важна также связь с другими словами и словосочетаниями: «сестра искренняя», «пощадила», «душу восстановила». В этом же эпизоде встречаем и другое употребление слова «сокровище» – в значении, по всей видимости, «твердой веры в Бога». Алеша говорит насмехающемуся над всем Ракину: «...не дразни ты меня, что я против бога моего взбунтовался. <...> Я потерял такое сокровище, какого ты никогда не имел» [7].

³ Данные почерпнуты методом сплошной выборки с помощью корпуса художественных прозаических текстов Достоевского, представленного в «Словаре языка Достоевского» [7].

Не менее характерно и функционирование слов с корнем «свят» в прозе Достоевского. Они пронизывают те произведения Достоевского, которые были написаны им после ссылки, тогда как в ранней прозе писателя практически отсутствуют. Слово «святой» (в разных его словоформах) по отношению к Богу, к восстановившему себя в близости к Богу человеку, к высоким, смиренным мыслям и словам, к церкви, к «Руси» (в сочетании «святая Русь»), к Пасхальной неделе многократно встречается в «Братьях Карамазовых» и присутствует также в других романах писателя: «Бедные люди», «Идиот», «Бесы», «Преступление и наказание» [7]. В то же время в произведениях раннего периода слово «святой» встречается гораздо реже (около 10 раз, помимо сочетаний «лики святых», «жития святых» и т.п., во фразеологизмах со стертой семантикой – по типу «ради всего святого», как в «Дядюшкином сне» (гл. V) или «святого ничего не имеется», как в «Бедных людях» (ч. II)), а слово «святость» используется в иронически-прозаическом смысле. Так, в повести «Дядюшкин сон» Марья Александровна признается Мозглякову, что склонила юную Зину к браку со старым князем, «выставив перед нею всю святость ее подвига самоотвержения». В «Романе в девяти письмах» употребленное выражение «святость родственных отношений» также не подразумевает собственно отношения к Богу и божественной истине [7].

Насколько органично «символ веры», изложенный Достоевским в переписке 1854 г., вошел в его творческое, философское сознание, свидетельствует и «Дневник писателя» за 1876 г. В нем слово «святой», как известно, становится ключевым в характеристике, которую писатель дает русскому народу, его устремлениям: «...судите русский народ <...> по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает. А ведь не все же и в народе – мерзавцы, есть прямо святые, да еще какие <...> Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы...» [8. С. 249–250].

Из сказанного выше следует вывод о том, что к началу Крымской войны в 1854 г. Достоевский пришел с новым сознанием и себя, и русского народа, и России; что это новое сознание в самом своем основании имело представление о всецелой святости Христа, несомненной ценности связи человека с человеком через сострадатель-

ную любовь во Христе и живом струении этой любви в русском человеке. Частью этого вывода является утверждение о том, что стихотворение «На европейские события в 1854 году», написанное Достоевским в марте 1854 г. и посвященное сложившейся вокруг Крыма исторической, политической, религиозной ситуации (как известно, оно не было напечатано в «Санкт-Петербургских ведомостях» и пролежало неизданным до 1883 г.), не следует бестрепетной рукой отметать как простое выражение верноподданнических настроений весьма сомнительного толка.

Пренебрежительное отношение к этому тексту как к «отчаянным попыткам вернуться в литературу» путем «перепевания» официозных патриотических стихотворений находим в авторитетных «Примечаниях» к стихотворению во втором томе «Полного собрания сочинений» Достоевского [9]. Кроме этой – превалирующей – точки зрения существует и другая, высказанная известным специалистом по творчеству Достоевского, писательницей Людмилой Сараскиной в 2008 г.: «Стихотворение 1854 года, – утверждает в ее статье, – это тоже символ веры Достоевского, символ веры в Россию, как бы ни относиться к имперской составляющей этой веры» [6. С. 351]. Эта точка зрения не получила распространения и не была подтверждена филологическим или литературоведческим, в том числе компаративным, анализом. В связи с этим представляется необходимым обратиться к тексту стихотворения, сопоставляя его, с одной стороны, с самыми яркими, высокими примерами военно-патриотической поэзии того времени (Ф.Н. Глинки и П.А. Вяземского) и с другой – со стихотворениями тех авторов, с которыми Ф.М. Достоевского в это время сблизил религиозная, социально-политическая, философская позиция: А.С. Хомяковым и Ф.И. Тютчевым.

Стихотворение «Ура!» Ф.Н. Глинки – ветерана Отечественной войны 1812 г. – было напечатано в «Северной пчеле» (газета с многотысячными тиражами) и впоследствии многократно перепечатывалась. Как и «Песнь русского ратника» другого ветерана Отечественной войны П.А. Вяземского, оно стало широко известным и повсеместно цитируемым. Данные тексты многое объединяет: в содержательном плане это, в первую очередь, боевой настрой, уверенность в победе русской армии. Аргументацией, обосновывающей эту уверенность, служат в обоих случаях эпизодические воспоминания о преж-

них победах русского оружия: в стихотворении Ф.Н. Глинки речь идет, прежде всего, о победе над Наполеоном и объединенной армией западноевропейских народов, а также о победе русского флота в Чесменском сражении в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В стихотворении П.А. Вяземского упоминаются другие победы – Петра I над шведами и А.В. Суворова над крымскими татарами.

Следующим шагом в сюжетно-композиционном развитии обоих стихотворений становится утверждение правого дела русской армии – утверждения, основанного, однако, на разных наблюдениях: в стихотворении Ф.Н. Глинки на первый план выходит образ несправедного объединения «христианских народов» Западной Европы вокруг мусульманской империи – против христианской же России:

Теперь же вздрогни, вся природа!
Во сне не снилось никому:
Два христианские народа
На нас грозятся за чалму!! [10].

В произведении П.А. Вяземского праведность действий русской армии, русского правительства обосновывается страданием балканских (славянских и греческого) народов, близких русским по вере и (отчасти) по роду:

С гор Балканских наши братья
Простирают к нам объятья,
С упованием и мольбой <...> [11].

В финале обоих стихотворений снова высказывается уверенность авторов в том, что позиция России в конфликте с Западной Европой и Османской империей праведна и что именно Россию может благословить сам Господь: молитвы русских «доходны», а «русский Бог» «велик» – этими словами заканчивается произведение Глинки.

Крест и меч России сила
Древле предков ополчила
Ими Божья благодать.
<...>
Грянь наш клик, побед предтеча:
Русский Бог и Русский Царь!

– так созвучно строкам Глинки завершается стихотворение Вяземского.

Обобщая, можно описать композиционную схему военно-патриотических стихотворений периода начала Крымской войны таким образом: уверенность в предстоящей победе – прежние победы русского оружия – праведные притязания России – Божья благодать, которая почитает на русских воинах. Важно отметить и особенности формы: в обоих стихотворениях и лексика, и синтаксис, и ритмометрическая модель, и образность соотносятся с народной поэзией. И если у Вяземского лирическое «я» только к концу перетекает в «хоровое», народное «мы», то у Глинки воинско-эпическое единодушное «мы» слышится с самого начала.

Подчеркнем: семантика «мы» в этих двух стихотворениях различна. В тексте Глинки она определяется вовлеченностью в военную лексику и фразеологию, а также в систему воинско-исторических мотивов: «на трех ударим разом», «трехгранный штык», «двадцать шло на нас народов» (аллюзия на Отечественную войну 1812 г.), «тогда спасали мы родную страну и честь», «два христианские народа на нас грозятся» и т.п. Здесь «мы» указывает попеременно на армию (солдат, офицеров, единое русское воинство) и русский народ в его современном состоянии (христианские народы «грозятся», конечно, не на воинство, а на народ и страну).

У Вяземского «мы» связано с народными историческими песнями, а также, возможно, былинами и духовными стихами (изданными, как известно, впервые в варианте сборника Кириши Данилова «Древние русские стихотворения» в 1804 г.): именно из них поэт мог почерпнуть выражение «Белый царь» в тесной связи с наименованием «Святая Русь» [12, 13]. Из другого источника – древнерусских летописей, которые начали издаваться чуть позже, в 1840-е гг., – в стихотворении заимствуются слова «сеча» и «рать». И фольклорные, и древнерусские элементы работают в тексте на национально-историческое углубление и народно-эпическое расширение семантики авторского «я», переходящего в «мы»: «я», кладущий поклоны перед иконой «за алтарь, за Русь Святую и за Белого Царя», может быть, конечно, носителем не дворянского (или офицерского, или даже солдатского) сознания, но сознания народного, укорененного в православной и фольклорной традиции.

Иного плана стихотворения поэтов-славянофилов Ф.И. Тютчева и А.С. Хомякова, посвященные Крымской войне. Тютчев создал, по

крайней мере, два стихотворения такого рода, написанные между 1854 и 1855 гг. При этом известно, что накануне ее, в 1853 г., Тютчев написал еще два стихотворения пророчески-мессианского плана как бы в предвестии военно-политического конфликта. Их мы исключаем из поля нашего зрения потому, что они имеют прямое отношение только к ситуации, предшествующей военному столкновению мировых держав. Итак, тютчевское стихотворение «Теперь тебе не до стихов...» [14. С. 189–190] написано в самом начале Крымской войны. По общей интонации, по направленности идейного плана оно разительно отличается от военно-патриотических стихов Глинки и Вяземского. Лейтмотивом стихотворения становится мысль о «неземном времени» Божьего попущения или Божьего суда, о том, что в современной поэту истории проглядывает извечное противостояние дьявольского «богохульства» Божественному свету и что для России это означает лишь одно: «строгое испытанье» на верность себе и Богу. Конечно, отсюда возникает большой вопрос о верности: что она означает для Тютчева в этом произведении? Подсказку дает более раннее стихотворение 1850 г. «К.В. Нессельроде», в котором говорится о вере «Святая Руси» «себе самой», т.е. своей имперской роли в мировой истории:

Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить!
Всемирную судьбу России –
Нет, вам ее не запрудить! [14. С. 164]

Эта роль предстает основанной на «святости» упований, на «призванье» охранения и расширения православного мира – отсюда многократный повтор слов с корнем «свят» в тексте. «Святая Русь» в этом стихотворении есть воплощение идеи о наследовании Россией статуса и миссии православной империи – идеи, нечуждой и другим славянофилам, происхождением своим связанной с концепцией «Москва – Третий Рим» и ясно выраженной Тютчевым в его незавершенном трактате «Россия и Запад»: «Россия гораздо более православная, нежели славянская. И, как православная, она является залогохранительницей империи <...> Империя не умирает. <...> Империя Востока: это Россия в окончательном виде» [15. С. 222]. Именно поэтому наименование «Святая Русь» возникает здесь в контексте диа-

лога поэта-пророка и гражданина своего Отечества с канцлером иностранных дел Российской империи, отличавшимся, как известно, очень осторожными взглядами на ее внешнеполитические притязания.

Общая смысловая близость этих текстов дает основание полагать, что под «верностью» России Богу и самой себе в стихотворении 1854 г. подразумевается отстаивание правителями и народом миссии и значения России в мировой истории как православной империи.

Второе тютчевское стихотворение времен Крымской войны, посвященное ей, написано в 1855 г. («На новый 1855 год»). Резкого контраста по сравнению с содержанием и настроением первого стихотворения мы в нем не находим: здесь, как и в первом стихотворении, лейтмотивом звучит предчувствие большого свершения судьбы, Божеского произволения. Поэт, в то же время, предстает пророком, смутно различающим окончание битв и кару Божью, которая свершится через поражение одной из сторон в войне. При этом поэт уходит от инвектив, адресованных «богомерзким народам», оставляя участников Крымской войны лицом к лицу с Богом, вершащим их судьбы через историю. Единственное, о чем вопрошает поэт, – над кем именно свершится кара божья.

По крайней мере, три стихотворения посвятил событиям 1854 г. А.С. Хомяков: «Суд божий», «России», «Раскаявшейся России». Подобно тому как военно-патриотические стихотворения Глинки и Вяземского имеют много общего, в поэтических размышлениях славянофилов Тютчева и Хомякова присутствуют сходные черты по содержанию и форме. Общую идею философских стихотворений Хомякова о Крымской войне можно описать фразой «Суд Божий» или «Божье произволение» через большие, кровавые исторические столкновения народов. Объединяет их и позиция сомнения, и мотив непознаваемости Божественной воли. С точки зрения формы обращает на себя внимание книжная философская лексика, характерная для всех этих текстов, частотность, осложненная однородностью, градацией, нанизыванием синтаксических конструкций, размеренность ритма.

При этом произведения Хомякова от тютчевских на уровне формы отличаются призывно-восклицательной интонацией, пунктуационно – обилием восклицательных знаков. Проще говоря, там, где Тютчев вопрошает, Хомяков призывает. Особой силой эмоционально-религиозного призыва выделяется стихотворение «России». Хо-

мяков, подобно Тютчеву в стихотворении «Теперь тебе не до стихов...», прозревает судьбу своей Отчизны (определенную ей Господом) в противостоянии «воле злой... слепых, безумных, буйных сил» [16]. При этом размышления уводят его в тайные глубины человеческой природы, в противостояние сил добра и зла в любом человеческом существе, а посему и в любом народе, государстве:

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказания
Не грянет над твоей главой! <...> [16].

Особая риторика призыва к очищению, к смирению, к святости и к выполнению предназначенного Богом (спасению братских народов) в этом светлом состоянии отличает поэтические творения Хомякова от всех остальных, посвященных Крымской войне. При этом в целом можно говорить о том, что у славянофильской «линии» поэзии, посвященной Крымской войне, есть четкие очертания: для нее характерна интонация размышления и сомнения, ее общий сюжет выстраивается через мотивы судьбы, Божественного произволения и покрова тайны над судьбой России, как бы приоткрываемой поэтом-пророком в историческом настоящем.

Эти два больших контекста – контекст военно-патриотической поэзии и контекст поэзии славянофилов – дают возможность различить в стихотворении Ф.М. Достоевского «На европейские события в 1854 году» общие места и собственно авторский голос. Стихотворение начинается с вопросов, которые в контексте событий 1854 г. следует считать риторическими:

С чего взялась всесветная беда?
Кто виноват, кто первый начинает? [17. С. 403].

Вопросы, которые подразумевают инвективу, сменяются ироническими намеками, также прикрывающими инвективу:

Народ вы умный, всякой это знает,
Да славушка пошла об вас худа! [17. С. 403].

Инвективу, противопоставление своего чужому как праведного неправедному следует, как мы понимаем, отнести на счет общих мест в

поэзии о Крымской войне этого периода – как военно-патриотической, так и философской (славянофильской). При этом разговорная лексика и фразеология («взялась беда», «первый начинает», «славушка, пошла худа») сближает стихотворение Достоевского с военно-патриотической поэзией, хотя и не полностью. Если у Глинки разговорная интонация связана с образом воинского «мы», у Вяземского – со стихией русского фольклора, то за разговорной интонацией в начале стихотворения Достоевского стоит средний обыватель – маленький человек, некий «Макар Девушкин». Отсюда – следующие несколько неожиданные одомашненные метафоры: «Уж лучше бы в покое дома жить / Да справиться с домашними делами!» От имени этого простого «маленького человека» Достоевский ведет разговор с читателем в первой части стихотворения (примерно до 40-й строки). Этот голос позволяет читателю воспринять идейный строй стихотворения не как исключительное авторское высказывание, но как общий, естественный для (условно говоря) простого русского человека ход рассуждений.

Этот голос не вступает в противоречие с пушкинскими мотивами, заимствованными Достоевским, как известно, из стихотворения «Клеветникам России», – мотивом богатырских сил, богатырского роста; обличением в лицемерии и пр., – но изменяет их в соответствии со своей природой. И это не случайно. Ведь именно Пушкин, как скажет Достоевский много позднее, в «Дневнике писателя» за февраль 1876 г. первым из русских поэтов, писателей повернул «к народу» [8. С. 250].

С голосом обывателя связано и своеобразие содержания концепта «Святая Русь» в стихотворении. У Вяземского в упомянутом выше стихотворении наименование «Святая Русь», как мы видели, явно восходит к фольклорной традиции и идее сакральной связи земли-матушки с народом [18] (связи, поддержанной народными представлениями о выделенности пространства Руси православной верой). В стихотворении Тютчева «К.В. Нессельроде» «Святая Русь» трактуется в связи с идеей миссии России как православной империи. У Достоевского же голос обывателя задает прочтению концепта совершенно другое направление, связанное с особым идейным строем, характерным для зрелого творчества писателя, сформированным в своей основе, как мы убедились, уже к 1854 г. и неслучайно высказанным в данном стихотворении.

В стихотворении этот идейный строй *превозможения своего и общего зла через «страдание», «муку» терпенье до конца, спасения буквального (исторического) и духовного через веру, освященную народной традицией и собственной душой*, реализован в прямой связи с наименованием «Святая Русь» (здесь: «святая Русь»):

Страдала Русь в боях междоусобных,
 <...>
 Но живуча святая Русь была!
 <...>
 Но знайте же, что и в последней муке
 Нам будет чем страданье перенести!
 <...>
 Спасемся мы в годину наваждений,
 Спасут нас крест, святыня, вера, трон!
 У нас в душе сложился сей закон
 <...>
 Мы верую из мертвых воскресали,
 И верую живет славянский род.
 Мы веруем, что бог над нами может,
 Что Русь жива и умереть не может! [17. С. 403].

Содержание имени «(Святая) Русь» здесь (т.е. содержание авторского концепта «Святая Русь», воплощенного в этом тексте) многомерно: это имя соотносится с историческим путем русского народа к оформлению своей государственности («Страдала Русь в боях междоусобных»), с его способностью отстаивать созданное государство как истинно народное, в том числе в современной истории («Но знайте же, что и в последней муке / Нам будет чем страданье перенести!» – фраза, обращенная, конечно, к европейским государствам – участникам Крымской войны); оно выражает основу народного духа – центральные для русского народа ценности⁴: крест (способность

⁴ Ср.: В «Дневнике писателя» за февраль 1876 г. Достоевский поясняет свое понимание идеалов русского народа, оставляя, впрочем, не до конца проговоренной эту тему: «А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений <...> все, что в этих типах Гончарова и Тургенева вековечного и прекрасного, – все это от того, что они в них соприкоснулись с народом... Они заимствовали у него его простодушие, чистоту, кротость, широкость ума и незлобие» [8. С. 249–250].

к самопожертвованию, готовность пострадать за святое дело), святыня (благоговейное отношение к определенным святым «вещам» – родине и семье, праведникам (святым) и старцам, иконам и церквям), вера (собственно православие), трон (представление о царе как помазаннике Божиим и истинном защитнике народа и Отечества); наконец, за ним закрепляется представление об особой связи русского народа (в его вертикально-временном бытии, т.е. бытии родовом) с Богом – связи, поддерживаемой самим народом, его верой и упованиями: «И верую живет славянский род. / Мы веруем, что бог над нами может, / Что Русь жива и умереть не может!»).

К мотиву страдания, теперь уже Христа за все человечество, страдания, бесконечно длящегося в социально-политической реальности Крымской войны, Достоевский вернется ближе к концу второй части стихотворения. Именно этот мотив дает этой части особую смысловую направленность и объединяет ее с первой. Общая интонация во второй части стихотворения при этом меняется: резкие инвективы, исторические обобщения, пронизательные комментарии относительно современной мировой политики, – все это указывает на то, что теперь строки произносятся (подобно пушкинскому стихотворению «Клеветникам России») поэтом-пророком, вдохновенным рупором русской интеллектуальной культуры. Одновременно мотив имперской миссии России, столь характерный для этой части, в комплексе с противительным пафосом и восклицательной интонацией явственно сближает ее не столько с пушкинским «Клеветникам России», сколько со стихотворением Тютчева «К К.В. Нессельроде». Ср.:

Достоевский:

Не вам судьбы России разбирать!
Неясны вам ее предназначенья! [17. С. 405].

Тютчев:

Венца и скиптра Византии
Вам не удастся нас лишить! [14. С. 164].

Пушкин:

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда <...> [19. С. 209].

Ближе к концу стихотворения (третья часть) общая интонация меняется снова, вместе с воссозданием «общих мест» военно-патриотической поэзии, а также (отчасти) «общих мест» поэзии славнофильской. Голос поэта-интеллектуала сменяется громкой риторикой «народного поэта». Именно в конец отодвигает Достоевский «ура-настроения» из стихотворения Ф.Н. Глинки, настроение уверенности в победе русского оружия (Вяземский, Глинка), при этом мотив судьбоносного призвания России Господом к ее исторической миссии «властвовать над Азией глубокой», быть центром мировой православной империи (Гютчев) уточняется и в заключительных строках приобретает форму пророческого видения, пророческого общения с самим Господом:

И наконец твой час, Господь, настал!
Звучит труба, шумит орел двуглавый
И на Царьград несется величаво! [17. С. 406].

Важно отметить, что все, что в стихотворении касается имперских притязаний России, на счет концепта «Святая Русь» отнести очень сложно, так как в соответствующих строках говорится о «России» и «новой» Руси («то внове Русь») – имперской ипостаси русского государства, воплощающей, скорее перспективу идеи «Москва – Третий Рим», чем (в его чистоте и непосредственности) концепт «Святая Русь». Индивидуально-авторская же трактовка этого концепта во второй части стихотворения, как мы видели, имеет такие опорные элементы содержания, как историческая и духовная народность, истинность, готовность к страданию и самопожертвованию, особая связь с Богом, основанная на вере в Него и уповании на Него.

«Святая Русь» в этом произведении Достоевского есть основа исторического и духовного бытия русского народа (понимаемого

именно как целостность), квинтэссенция его «духа» – его в веках сформировавшегося и традицией закрепленного национального характера, который определяется готовностью претерпеть страдания и пожертвовать собой во имя защиты своего государства и государственности, благоговейным отношением к выделенным святостью вещам и понятиям, православной верой и упованием на милосердие Божье, на Его готовность откликнуться на мольбы русского человека. С этим особым наполнением концепта «Святая Русь» в тексте связана и специфика функционирования местоимения «мы» в нем: это, конечно, не воинское «мы» (как у Глинки). Сближаясь с «мы», звучащем в стихотворении Вяземского, оно соотносится с народным сознанием, но в более широком плане: не только в аспекте исторического настоящего и фольклорной традиции, но во всех тех историко-культурных, родовых и духовных аспектах, о которых было сказано выше.

5 ак видим, стихотворение Достоевского «На европейские события в 1854 году» состоит из трех частей, первую из которых следует признать подлинно новаторской как в содержательном смысле, так и в смысле поэтической формы. Особенности содержания концепта «Святая Русь» в стихотворении определяются его вовлеченностью в образ «маленького человека», простого обывателя, с одной стороны, и значимостью мотивов страдания и удержания православной веры и любви во Христе – с другой. В стихотворении автор стремится найти точки соприкосновения между собственным взглядом на Россию в связи с событиями Крымской войны и двумя основными направлениями в поэтическом осмыслении этой войны – философско-славянофильским и военно-патриотическим.

Наименование «Святая Русь» возникает и во втором из трех стихотворений, написанных Достоевским в ссылке в Семипалатинске и посвященных событиям Крымской войны. Стихотворение «На первое июля 1855 года» содержит три упоминания о Руси, и только в одном из них Русь названа святой. Между тем каждое из вхождений общего наименования «Русь» в текст связано (до определенной степени) с взаимоподобным лексико-семантическим контекстом: в первой строфе говорится о Руси, «засиявшей» «геройством и любовью», когда «земля» «облилась» «жертвенною кровью» русских людей – «сынов», которых матери «отдали» царю, благословив на «брань

против врагов» [20. С. 407]. Во второй строфе рассказ о смерти Николая I включает в себя описание реакции на нее народа: «Но веровала Русь, и в час тоски и горя/ Блеснул ей новый луч надежды золотой...». Наконец, в предпоследней строфе наименование «святая Русь» возникает в двойном призыве, обращенном к императрице: «Живи на счастье нам с великим сынами/ И за святую Русь, как ангел, помолись».

Во всех трех случаях в лексическое окружение имени «Русь» на эксплицитном (первая и вторая строфы) или же имплицитном (предпоследняя строфа) уровнях входит сема духовного света: Русь «засияла» «геройством и любовью»; ей «блеснул» «новый луч надежды»; духовный свет, обращенный к «святой Руси», исходит из молитвы, если человек уподобляется в ней «ангелу». Сема духовного света сопряжена (эксплицитно или имплицитно) в лексико-семантическом окружении имени «Русь» во всех трех случаях с семами жертвы (страдания) и веры (упования на Бога). В первой строфе они выражены в сочетании «жертвенная кровь», лексемах «геройство и любовь», в упоминании о благословении (в спектр сем «благословения» входит, безусловно, и «вера» как «упование») матерями «сынов» на «брань». Во второй строфе прямо говорится о том, что Русь «веровала»; эта вера «в час тоски и горя» подразумевает способность перешагнуть через эмоциональное состояние и принести Богу жертву любви. Жертвенность (умение устремить свои благие пожелания в адрес народа) и упование на Бога подразумевает и ангельская молитва за Русь, к которой автор призывает императрицу.

Наблюдения над функционированием наименования «Святая Русь» в стихотворениях «На европейские события в 1854 году» и «На первое июля 1855 года» в историческом и литературном контексте, а также в контексте творческой биографии Ф.М. Достоевского указывают на сформированную к этому времени общую линию интерпретации «Святой Руси» в авторском сознании Ф.М. Достоевского как константы русской народной духовной культуры, воплощающей важнейшие его ценностные установки (идеалы): готовность жертвовать собой (во имя Родины и ближнего своего), упование на Бога, духовный свет христианской любви.

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Письмо М.М. Достоевскому. 30 января – 22 февраля 1854. Омск // Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1985. Т. 28/1. С. 166–174.
2. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1876 год. Февраль. Мужик Марей // Дневник писателя : в 2 т. М. : Книжный Клуб 36.6, 2011. Т. 1. С. 253–257.
3. *Новикова Е.Г.* «Христос вне истины» и «истина вне Христа»: Ф.М. Достоевский и Н.Д. Фонвизина // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 3 (29). С. 143–152.
4. *Кайдаш С.* Достоевский и Фонвизина // Вопросы литературы. 1981. № 5. С. 307–313.
5. *Достоевский Ф.М.* Письмо Н.Д. Фонвизиной. Конец января – 20-е числа февраля 1854 // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Л. : Наука, 1985. Т. 28/1. С. 175–177.
6. *Сараскина Л.И.* «Я дитя неверия и сомнения...». Ф.М. Достоевский и символ веры в русской литературе XIX века // Ракурсы. М. : ЛЕНАНД; [Государственный институт искусствознания], 2008. Вып. 7. С. 330–355.
7. *Караулов Ю.Н.* (гл. ред.). Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта. М. : Азбуковник, 2001. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=227>
8. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1876 год, февраль. О любви к народу. Необходимый контракт с народом // Дневник писателя : в 2 т. М. : Книжный Клуб 36.6, 2011. Т. 1. С. 249–252.
9. Примечания // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972. Т. 2. С. 520–523.
10. *Глинка Ф.Н.* Военно-патриотические стихотворения времен Восточной (Крымской) войны. URL: http://az.lib.ru/g/glinka_f_n/text_1854_patrioticheskie_stihi.shtml
11. *Вяземский П.А.* Песнь русского ратника // Российский государственный архив древних актов. Ф. 1278. Оп. 1. Д. 178. Л. 89. URL: <http://krym.rusarchives.ru/dokumenty/pa-vyazemskiy-pesn-russkogo-ratnika>
12. *Климас И.С.* Цари-короли в исторических песнях // Лингвофольклористика. 2020. № 31. С. 10–25.
13. *Дмитриев М.В.* Парадоксы «Святой Руси»: «Святая Русь» и «русское» в культуре Московского государства XVI–XVII вв. и фольклоре XVIII–XIX вв. // Cahiers du monde russe. 2012. Vol. 53, № 2-3. P. 319–331.
14. *Тютчев Ф.И.* Полное собрание стихотворений. Л. : Советский писатель, 1987. 448 с.
15. *Тютчев Ф.И.* Незавершенный трактат «Россия и Запад» // Литературное наследство. М. : Наука, 1988. Т. 97: Федор Иванович Тютчев. Кн. 1. С. 183–230.
16. *Хомяков А.С.* Стихотворения. URL: http://az.lib.ru/h/homjakow_a_s/text_0010.shtml

17. *Достоевский Ф.М.* На европейские события в 1854 году // Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972. Т. 2. С. 403–406.

18. *Королева С.Б., Корзун А.В.* Андрей Курбский, Максим Грек и «Святая Русь»: опыт компаративного литературоведческого анализа // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 4. С. 8–18.

19. *Пушкин А.С.* Клеветникам России // Полное собрание сочинений : в 10 т. Л. : Наука, 1977. Т. 3. С. 209–210.

20. *Достоевский Ф.М.* На первое июля 1855 года // Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1972. Т. 2. С. 407–408.

“On the European Events of 1854”: Dostoevsky in a Dialogue with Contemporary Poets on “Holy Russia”

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2021, 16, pp. 187–206. DOI: 10.17223/24099554/16/12

Svetlana B. Koroleva, Linguistics University of Nizhnii Novgorod (Nizhnii Novgorod, Russian Federation). E-mail: klimoval@hotmail.com

Keywords: Fyodor Dostoyevsky, concept of Holy Russia, context of Crimean War, military-patriotic poetry, Slavophile poetry about Crimean War, author’s voice, system of images and motifs.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-012-00310.

The major focus of the research is the content of the “Holy Russia” concept in Fyodor Dostoevsky’s poem “On the European Events of 1854”, analyzed in the context of the writer’s creative biography, as well as in the “big” context of historic, military, and political events of 1854, and the wave of poems evolved in Russian literature in response to these events. The author argues that, by the beginning of the Crimean war in 1854, Dostoevsky acquired a new understanding of himself, the Russian people, and Russia. This new understanding had, at its core, the notion of Christ’s absolute holiness, of inner connection between a person and a person through compassionate Christian love as an undoubted value, of vibrant pulse of this love in the Russian heart. No wonder, then, that the poem “On the European Events of 1854” – written by Dostoevsky in March 1854 and devoted to the political, historic, and religious situation connected with the Crimean War – comprises significant motifs characteristic of the writer’s mature works (primarily, the motif of holiness of Russian people’s ideals) and, thus, cannot be considered simply an expression of the author’s loyalty to the tsar and those in power. Two literary contexts – of military-patriotic poetry and of Slavophile poems devoted to the Crimean War – allow distinguishing between the common topics and the author’s voice in the poem. The text has three distinct parts: the first is profoundly innovative, both in the form and content, while the second and third ones basically follow the samples of Slavophile and military-patriotic poetry, correspondingly. The peculiarity of the “Holy Russia” concept, actualized in the first part of the

poem, is determined by its involvement with the image of a “little man”, on the one hand, and by the significance of the motifs of self-sacrifice, sufferings, Christian love and faith, on the other. The name “Holy Russia” corresponds here to the Russian people’s historic way of shaping the state and defending it as a truly national value; it expresses the basis of the “Russian spirit”: self-sacrifice; Orthodox notions; respect for such holy things as family and motherland, the tsar and the state; the Russian people’s belief in a sort of special connection with the Lord. The analysis of the way the name “Rus’ ” functions in Dostoevsky’s other “Crimean” poem – “On the First of July 1855” – verifies the hypothesis that the writer’s concept of “Holy Russia” was formed in his poems devoted to the Crimean War.

References

1. Dostoevskiy, F.M. (1985) Pis'mo M.M. Dostoevskomu. 30 yanvarya – 22 fevralya 1854. Omsk [Letter to M.M. Dostoevsky. January 30 – February 22, 1854. Omsk]. In: *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes]. Vol. 28 (1). Leningrad: Nauka. pp. 166–174.
2. Dostoevskiy, F.M. (2011) Dnevnik pisatelya za 1876 god. Fevral'. Muzhik Marey [A writer’s diary for 1876, February. The Peasant Marey]. In: *Dnevnik pisatelya: v 2 t.* [A Writer’s Diary: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Knizhnyy Klub 36.6. pp. 253–257.
3. Novikova, E.G. (2014) “Christ Beyond the Truth” and “Truth Beyond Christ”: F.M. Dostoevsky and N.D. Fonvizina. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology.* 3 (29). pp. 143–152. (In Russian).
4. Kaydash, S. (1981) Dostoevskiy i Fonvizina [Dostoevsky and Fonvizina]. *Vo-prosy literatury.* 5. pp. 307–313.
5. Dostoevskiy, F.M. (1985) Pis'mo N.D. Fonvizinoy. Konets yanvarya – 20-e chisla fevralya 1854 [Letter to N.D. Fonvizina. End of January – 20th February 1854]. In: *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes]. Vol. 28 (1). Leningrad: Nauka. pp. 175–177.
6. Saraskina, L.I. (2008) “Ya ditya neveriya i somneniya...”. F.M. Dostoevskiy i simvol very v russkoy literature XIX veka [“I am a child of unbelief and doubt ...”. F.M. Dostoevsky and the Symbol of Faith in Russian Literature of the 19th Century]. In: Novikova, A.A. (ed.) *Rakursy* [Angles]. Vol. 7. Moscow: LENAND. pp. 330–355.
7. Karaulov, Yu.N. (ed.) (2001) *Slovar' yazyka Dostoevskogo. Leksicheskiy stroy idiolekt* [Dictionary of the Dostoevsky language. The lexical structure of the idiolect]. Moscow: Azbukovnik. [Online] Available from: <http://slovary.ru/default.aspx?s=0&p=227>
8. Dostoevskiy, F.M. (2011) Dnevnik pisatelya za 1876 god, fevral'. O lyubvi k narodu. Neobkhodimyy kontrakt s narodom [A writer’s diary for 1876, February. About love for the people. Necessary contract with the people]. In: *Dnevnik pisatelya:*

v 2 t. [A Writer's Diary: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Knizhnyy Klub 36.6. pp. 249–252.

9. Dostoevskiy, F.M. (1972) Primechaniya [Notes]. In: *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 2. Leningrad: Nauka. pp. 520–523.

10. Glinka, F.N. (1854) Voenno-patrioticheskie stikhotvoreniya vremen Vostochnoy (Krymskoy) voyny [Military-patriotic poems of the times of the Eastern (Crimean) War]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/g/glinka_f_n/text_1854_patrioticheskie_stihi.shtml

11. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 1278. List 1. File 178. Page 89. Vyazemskiy, P.A. *Pesn' russkogo ratnika* [Song of the Russian Warrior]. [Online] Available from: <http://krym.rusarchives.ru/dokumenty/pa-vyazemskiy-pesn-russkogo-ratnika>

12. Klimas, I.S. (2020) Tsari-koroli v istoricheskikh pesnyakh [Tsars-kings in historical songs]. *Lingvofol'kloristika*. 31. pp. 10–25.

13. Dmitriev, M.V. (2012) Paradoksy “Svyatoy Rusi”: “Svyataya Rus’” i “russkoe” v kul'ture Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. i fol'klore XVIII–XIX vv. [Paradoxes of “Holy Russia”: “Holy Russia” and “Russian” in the culture of the Moscow state of the 16th–17th centuries and folklore of the 18th–19th centuries]. *Cahiers du monde russe*. 53 (2–3). pp. 319–331.

14. Tyutchev, F.I. (1987) *Polnoe sobranie stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Leningrad: Sovetskiiy pisatel'.

15. Tyutchev, F.I. (1988) Nezavershennyy traktat “Rossiya i Zapad” [An unfinished treatise “Russia and the West”]. In: Makashin, S.A., Pigarev, K.V. & Dinesman, T.G. (eds) *Literaturnoe nasledstvo: Fedor Ivanovich Tyutchev* [Literary heritage: Fyodor Tyutchev]. Vol. 97 (1). Moscow: Nauka. pp. 183–230.

16. Khomyakov, A.S. (1859) *Stikhotvoreniya* [Poems]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/h/homjakow_a_s/text_0010.shtml

17. Dostoevskiy, F.M. (1972) Na evropeyskie sobytiya v 1854 godu [On the European events of 1854]. In: *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 2. Leningrad: Nauka. pp. 403–406.

18. Koroleva, S.B. & Korzun, A.V. (2020) Andrey Kurbskiy, Maksim Grek i “Svyataya Rus’”: opyt komparativnogo literaturovedcheskogo analiza [Andrey Kurbskiy, Maxim the Greek and “Holy Russia”: an experience of comparative literary analysis]. *Vestnik MGPU. Seriya “Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie”*. 4. pp. 8–18.

19. Pushkin, A.S. (1977) Klevetnikam Rossii [To Slanderers of Russia]. In: *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete works: in 10 volumes]. Vol. 3. Leningrad: Nauka. pp. 209–210.

20. Dostoevskiy, F.M. (1972) Na pervoe iyulya 1855 goda [On the First of July 1855]. In: *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 2. Leningrad: Nauka. pp. 407–408.